

И
ОКИ

20 $\frac{2}{223}$

БИБЛИОТЕКА

Свята Општин. Пустыня

№ 756

Отделение VI

ЭБ

[00]

~~11/27/91~~
3

$$\frac{Pd - 1}{1645}$$

АРХИМАНДРИТЪ

МАКАРІЙ,

ПЕРВЫЙ АЛТАЙСКІЙ

МИССИОНЕРЪ.

ОРЕЛЬ.

1874.

Ижмаровъ Н. П.

20 $\frac{2}{223}$

АРХИМАНДРИТЪ

МАКАРІЙ,

ПЕРВЫЙ АЛТАЙСКІЙ

МИССИОНЕРЪ.

ОРЕЛЬ.

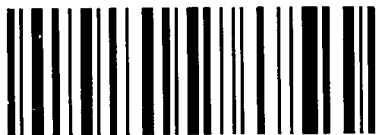
Типографія Князя Осоденскаго.

1874.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

3466-07

2006282733

Перепеч. изъ № 1-го и 4-го „Миссионерь“ за 1874 годъ.

АРХИМАНДРИТЪ МАКАРІЙ,

первый Алтайскій миссіонеръ.

Оживленіе въ памяти и общественномъ сознаніи высокихъ личныхъ качествъ, искренней и плодотворной дѣятельности людей, безкорыстно и беззавѣтно посвятившихъ себя на служеніе обществу, на служеніе самымъ высшимъ и святымъ интересамъ и нуждамъ его, есть прѣжде всего долгъ справедливости и признательности общественной къ заслугамъ и трудамъ на общую пользу. . . . Воспоминаніе о такихъ свѣтлыхъ личностяхъ составляетъ, съ другой стороны, одно изъ могущественныхъ нравственныхъ средствъ народнаго воспитанія, привлекая симпатіи народа къ тѣмъ мыслямъ и дѣламъ, которыми руководились покойные дѣятели, — любовь и усердіе къ тому дѣлу, которому они такъ преданно служили; воспоминаніе это особенно необходимо и полезно для той среды, которой ближе всего касается дѣятельность покойнаго. . . . О. Макарій — одна изъ самыхъ свѣтлыхъ и симпатичныхъ личностей не только въ необширной исторіи нашего миссіонерства, но и вообще въ исто-

ри нашей церкви. Онъ—лучшій и живой примѣръ для всѣхъ, и въ особенности для пастырей церкви и миссіонеровъ, — истинно-религіознаго и вѣрующаго человѣка, христіанской любви и ревности къ распространенію истинной Христовой вѣры не только между невѣдущими Бога истиннаго, но и не достаточно разумно и сознательно вѣрующими въ Него, — образецъ безкорыстной и глубокой преданности этому великому и святому дѣлу, — образецъ высоко-опытнаго и мудраго пастыря, учителя и проповѣдника св. вѣры. Въ его дѣятельности всякій пастырь, а миссіонеръ въ особенности — найдетъ и примѣръ, и побужденіе, и указаніе и вразумленіе для себя и для своего дѣла... Такой человѣкъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ вѣчной и благодарной памяти...

Мірекое имя о. Макарія—Михаилъ Яковлевичъ Глухаревъ. Родомъ онъ изъ г. Вязьмы Смоленской губ. Кончивши курсъ ученія въ Смол. семинаріи онъ началъ свою службу учителемъ въ той же семинаріи. Въ 1814 г. онъ поступилъ въ Спб. дух. академію, въ бытность ректоромъ академіи архимандрита Филарета (покойнаго митроп. М.), который сохранилъ доброе расположеніе къ своему ученику до конца своей жизни. По воспоминаніямъ и отзывамъ академическихъ товарищей М. Я., онъ былъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ студентовъ, и кромѣ того — при крайней живости, подвижности и нѣкоторой восторженности въ характерѣ — отличался между товарищами изяществомъ и манерами благовоспитаннаго свѣтскаго юноши что не могло не бросаться въ глаза въ средѣ тогдашнихъ духовныхъ воспитанниковъ и всегда нѣсколько угловатыхъ въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ и манерахъ. Послѣ окончанія академическаго курса съ степенію магистра въ 1817 г., онъ посланъ

былъ въ Екатеринославскую семинарію на должность профессора и инспектора. Здѣсь онъ принялъ монашество, съ именемъ Макарія. Въ 1821 г. о. Макарій переведенъ былъ въ Костромскую семинарію ректоромъ, и въ тоже время сдѣланъ архимандритомъ. Въ Костромѣ онъ былъ недолго. По нѣкоторымъ служебнымъ неприяностямъ о. Макарій въ 1824 г. совсѣмъ оставилъ духовно-училищную службу, и жилъ на покоѣ сначала въ Кіевской Лаврѣ, потомъ въ Китаевской пустынѣ (Кіевской г.) и наконецъ въ Глинской (Курской г.). Въ 1829 г. Промыслу Божию угодно было указать о. Макарію тотъ путь, на которомъ онъ такъ усердно и многоплодно потрудился для Церкви Божіей, и то дѣло, въ которое онъ положилъ всю свою душу... Въ этомъ году, при образованіи миссій для обращенія въ христіанство сибирскихъ инородцевъ — язычниковъ, онъ перемѣненъ былъ въ Тобольскую епархію съ порученіемъ мѣстному преосвященному (Евгенію, впоследствии архіепископу Ярославскому умершему на покоѣ въ Моск. Донскомъ монастырѣ) „обратить его на дѣло проповѣданія, гдѣ сіе представится нужнѣе, въ видѣ опыта на первый случай, дабы по первымъ дѣйствіямъ его можно было судить, способенъ ли онъ къ приемлемому на себя дѣлу и въ состояніи ли будетъ отправлять оное съ желаемою пользою“. Извѣстно всѣмъ, съ какою честію о. Макарій вынесъ это испытаніе, оказавшись не только самъ способнымъ проповѣдывать, но научить и другихъ, образовать и воспитать около себя людей, которые и до сихъ поръ съ честію трудятся на этомъ же поприщѣ. 30 Авг. 1830 г., отслуживши литургію и молебеніе, Тобольскій архіепископъ благословилъ и отпустилъ съ миромъ о. Макарія вмѣстѣ съ избранными имъ двумя

сотрудниками—воспитанниками мѣстной семинаріи на дѣло Евангельскаго благовѣстія на Алтаѣ. Здѣсь о. Макарій среди самыхъ неблагопріятныхъ и нравственныхъ и матеріальныхъ условій среди невѣроятныхъ лишеній и трудностей съ истинно-апостольскою любовію и ревностью цѣлыхъ 13 лѣтъ проповѣдывалъ слово Божіе, и Господь благословилъ его труды успѣхомъ. Онъ обратилъ ко Христу многихъ язычниковъ, но-что всего важнѣе—положилъ прочное основаніе Алтайской миссіи, возбудилъ вниманіе и усердіе къ дѣлу миссіи другихъ, воспиталъ подъ своимъ руководствомъ добрыхъ помощниковъ и преемниковъ себѣ, и оставилъ всѣмъ живой образецъ истиннаго миссіонера въ духѣ апостольскомъ. Въ 1843 г. о. Макарій уволенъ былъ (и не безъ огорченій для него отъ управленія миссіею, и назначенъ былъ настоятелемъ Болховскаго Оптина монастыря (Орловской г.). Въ 1846 г. онъ получилъ позволеніе отправиться въ Палестину на поклоненіе св. мѣстамъ, и, совсѣмъ уже собравшись въ путь, блаженно скончался 18 Мая 1847 г.

О. Макарій прежде всего былъ человѣкъ глубоко религіозный въ самомъ широкомъ и глубокомъ смыслѣ этого слова: и по мыслямъ, и по убѣжденіямъ, и по словамъ, и по дѣламъ онъ былъ глубоко и искренно — вѣрующій христіанинъ. Св. вѣра Христова не была только частью его убѣжденій, однимъ изъ многихъ условій, подъ которыми слагается духовно-нравственная жизнь человѣка, она была для о. Макарія основнымъ и самымъ глубокимъ мотивомъ умственной и нравственной его жизни, основной силѣю, которая придавала религіозный характеръ всему, что думалъ, гово-

риль и дѣлалъ о. Макарій. „Господь Иисусъ Христосъ наша надежда, такъ какъ и миръ, и искупленіе, и оправданіе предъ Богомъ, и праведность Божія, и премудрость, и здравіе всего существа человѣческаго, созданнаго по образу Божію, и жизнь, и нетлѣніе, и спасеніе“ —собственныя слова о. Макарія, которыя были постояннымъ правиломъ его жизни. На все смотрѣлъ онъ съ религіозной точки зрѣнія, все имѣло для него значеніе и цѣну по отношенію къ вѣрѣ. Слово Божіе — истинная духовная пища и питіе для человѣка, — въ немъ источникъ жизни; оно — высшая мудрость и единственный надежный руководитель всѣхъ нашихъ вопросовъ, сомнѣній и недоумѣній. Распространеніе безпредѣльнаго царства Божія на землѣ, — царства добра, свѣта, любви, истины и чистоты, богоугожденіе, постоянное нравственное очищеніе и самоусовершеніе — вотъ цѣль жизни человѣка, къ которой должны быть направлены всѣ его помыслы и дѣйствія. Въ Богѣ, въ общеніи и единеніи съ Нимъ — высшее счастье и блаженство человѣка, — и съ радостію ждалъ о. Макарій минуты окончательнаго соединенія съ Богомъ. „Сотворилъ Ты насъ, Господи, для Тебя, и безпокойно сердце наше, пока не успокоится въ Тебѣ. — Придетъ время, когда и меня позоветъ къ себѣ Господь: „Макарій!“ — „я Господи“. — „Иди сюда!“ И стянетъ гнилую плоть мою“ — говорилъ о. Макарій. И когда пришло время успокоиться въ Господѣ, — онъ съ восторженною радостію встрѣтилъ минуту перехода въ горній міръ, и излилъ свое чувство въ слѣдующихъ предсмертныхъ стихахъ:

Мой Богъ! Мой Царь! Отецъ! Спаситель дорогой!
 Пришелъ желанный день! Паду передъ Тобой!

Еще я на землѣ; но духъ Тобой трепещеть!
Зрю — свѣтитъ горній лучъ! Заря безсмертья
блещеть!

Въ св. вѣрѣ, въ безусловной и искренной преданности волѣ Божіей — лучшее руководство и подкрѣпленіе въ исполненіи нашихъ обязанностей, утѣшеніе во всѣхъ скорбяхъ и несчастіяхъ. Въ ней истинное благополучіе на землѣ и вѣчное блаженство на небѣ. И вся жизнь, вся дѣятельность о. Макарія была живымъ и самымъ искреннимъ выраженіемъ этихъ высокихъ мыслей. Онъ всецѣло жилъ только для Бога и ближнихъ.

Какъ человекъ глубоко-убѣжденный и истинно вѣрующій, о. Макарій естественно не могъ равнодушно относиться къ религіозному невѣжеству, гдѣ-бы и какъ-бы оно ни проявлялось; напротивъ, оно всегда производило въ немъ сердечную скорбь и печаль... По этому, обращеніе ко Христу невѣрующихъ, просвѣщеніе людей темныхъ и не разумно-вѣрующихъ, было глубочайшею потребностью и первой заботою его религіозной и любящей души, христіански — просвѣщеннаго ума. Онъ посвятилъ всѣ свои силы духовныя и тѣлесныя на просвѣщеніе и вразумленіе ближнихъ и дальнихъ, своихъ и чужихъ, — и на дальнемъ Алтаѣ и въ Болховѣ и всюду онъ съ одинаковою истинно Апостольскою ревностью благовѣствовалъ Слово Божіе, училъ, наставлялъ, вразумлялъ... „Больше всего любилъ о. Макарій, — рассказываетъ одно близко знавшее его духовное лице, — бесѣдовать о томъ — зачѣмъ мы, духовные пастыри такъ нерадимъ объ образованіи духовныхъ овецъ, отъ Бога намъ ввѣренныхъ? Зачѣмъ не сближаемся съ ними, какъ отцы

съ дѣтьми, не входимъ къ нимъ въ дома для бесѣды, не учимъ ихъ на площадяхъ и на улицахъ, на поляхъ и лугахъ? Зачѣмъ не растолкуемъ имъ молитвы Господней, не переведемъ для нихъ по-русски Слова Божія?... Онъ съ сердечною скорбію повторялъ о насъ слова Христа Спасителя: горе вамъ, законникамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія; сами не вошли, и входящимъ воспрепятствовали (Лук. 11, 52)“. Вездѣ, гдѣ толь можно было, при всякомъ удобномъ случаѣ—о. Макарій не упускалъ сказать слово наученія и вразумленія. Не говоримъ о его истинно—апостольскихъ проповѣдническихъ трудахъ въ дальней Сибири при всевозможныхъ лишеніяхъ и трудностяхъ,—его кельи въ Болховѣ были постоянной школой, гдѣ цѣлый день толпился народъ; куда шли и малый и большой послушать о. Макарія и поучиться у него; и онъ съ удовольствіемъ, съ душевнымъ наслажденіемъ училъ всѣхъ и большихъ и малыхъ—одинаково дѣтей въ вѣрѣ. ⁽¹⁾—Памятникомъ его ревности о духовномъ и религіозномъ просвѣщеніи служатъ также труды его по переводу Библии съ Славянскаго языка на Русскій, неоднократныя настойчивыя представленія о скорѣйшемъ совершеніи этого перевода. Какъ на замѣчательный памятникъ его миссіонерскихъ трудовъ и взглядовъ на это дѣло, наконецъ, можно указать на—не многимъ извѣстныя, его „Мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ Россійской

(1) См. живыя и задушевные воспоминанія объ о. Макаріѣ Орловскаго Протоіерея Е. Остромысленскаго. „Странникъ“ Январь 1860 г. стр. 12.

Державѣ“, подробный планъ миссіи съ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Главная струя жизни и дѣятельности о. Макарія— религія—давала направленіе и его характеру, и его поведенію и его отношеніямъ къ людямъ. О. Макарій былъ *человѣкъ духовный, человѣкъ Божій*. Онъ не похожъ былъ на обыкновенныхъ людей, характеръ которыхъ слагается подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, жизнь и дѣятельность которыхъ совершается большею частію подъ вліяніемъ внѣшнихъ, житейскихъ, временныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, побужденій и цѣлей; отъ того, большею, частію жизнь людская не имѣетъ внутренняго единства, не представляетъ нравственной устойчивости и постоянства. Для о. Макарія не имѣли большой цѣны внѣшнія условія жизни, внѣшнее его служебное и житейское положеніе. Не на внѣшній міръ, не на внѣшнія отношенія и интересы обращены были всѣ его помыслы, а въ глубину своей души, въ міръ ея высшихъ стремленій и интересовъ: не во внѣшнемъ мірѣ, его благахъ и отношеніяхъ полагалъ онъ свое благо, свой долгъ и обязанности,—они были для него въ Богѣ и его собственной совѣсти. Всѣ обыкновенные житейскіе расчеты—выгоды, самолюбія и т. п. были совершенно чужды его благочестивой и честной душѣ... Отсюда объясняется многое въ жизни и характерѣ о. Макарія. Такой человѣкъ очевидно не склоненъ былъ къ дѣятельности, гдѣ вниманіе человѣка постоянно отрывается отъ внутренняго міра души, разсеивается множествомъ, разнообразіемъ и мелочью внѣшнихъ житейскихъ дѣлъ,—которая ставитъ человѣка въ неправильныя отношенія къ другимъ,— ставитъ, что всего важнѣе,—дѣятельность

человѣка, даже его мысли и чувства, въ опредѣленные условныя рамки, заставляетъ иногда высказываться въ половину; скрывать и прятать самую дорогую свою мысль... Младенчески чистой, прямой, честной и благочестивой душѣ о. Макарія, не сродно и тяжело было такое положеніе! Поэтому учебно-административная духовная служба немирилась съ его характеромъ. Миссіонерская дѣятельность на далекихъ окраинахъ нашего отечества среди грубаго, но простаго и искренняго народа, гдѣ нѣтъ ни какихъ условныхъ отношеній и приличій, гдѣ нѣтъ никакихъ другихъ цѣлей и соображеній, кромѣ блага ближняго и царствія Божія, — проповѣдь, идущая отъ сердца прямо къ сердцу, — вотъ гдѣ была настоящая сфера дѣятельности смиреннаго, но сильнаго духомъ человѣка Божія! Недаромъ ему хотѣлось сложить свои кости на Алтай, гдѣ онъ испыталъ столько трудностей, но за то столько и величайшихъ душевныхъ наслажденій, — въ сознаніи, что онъ служитъ величайшему благу людей, и Богъ видимо благословляетъ его труды. Мнѣ нигдѣ такъ не весело положить кости свои, какъ на Маймѣ... или гдѣ либо въ алтайскихъ горахъ и въ вертепахъ безмолвной Черни“, — и только особія обстоятельства, конечно не безъ воли Божіей, не дозволили исполниться этому душевному желанію о. Макарія... И какою истинно — апостольскою простотою, искренностью и силою, проникнута его миссіонерская дѣятельность! Читая и его собственные письма и сказанія другихъ объ его Алтайской дѣятельности, новольно переносишься мыслью ко временамъ Апостольскимъ, когда христіанское общество представляло прекрасную картину искренняго и сильнаго религіознаго чувства, простоты, любви и единодушія во всемъ... Разъ приходитъ о.

Макарій въ юрту. Тамъ—одна татарка, и та занята стряпней; въ люлькѣ плачетъ младенецъ. О. Макарій садится къ люлькѣ; качаетъ и убаюкиваетъ дитя, и въ то же время учитъ мать. (1). При окончаніи литургіи оглашенныхъ, рассказываетъ самъ о. Макарій, онъ (приготавливаемый къ крещенію татаринъ—Василій) припадалъ къ стопамъ вѣрныхъ. Оглашенный, повергаясь къ ногамъ каждаго,—помолитесь,—говорилъ,—обо мнѣ грѣшномъ. Ектенія за оглашенныхъ, безъ сомнѣнія, была внятна ихъ сердцу въ семь случаевъ; я видѣлъ, какъ они преклоняли колѣна за принадлегаго, я слышалъ молитвенное о немъ воздыханіе ихъ“. (2) Можно привести множество подобныхъ фактовъ. Развѣ они не ясно характеризуютъ личность и дѣятельность о. Макарія въ истинно-апостольскомъ духѣ?..

Тѣмъ же духомъ и характеромъ отличались и опредѣлялись и всѣ личныя отношенія о. Макарія къ начальству, къ людямъ,—всѣ его знакомства и привязанности. Въ этихъ отношеніяхъ не было ничего внѣшняго и своекорытнаго, потому что о. Макарію для себя лично ничего не нужно, было, напротивъ онъ самъ отдавалъ другимъ рѣшительно все, что имѣлъ. Не сводилъ онъ знакомствъ, не заискивалъ у людей сильныхъ въ чаяніи получить свою выгоду, пользу; всѣ его личныя знакомства, а тѣмъ болѣе сердечныя привязанности, основывались на сочувствіи къ одному дѣлу, на сходствѣ мыслей и убѣжденій,—и были просты, искренни и сердечны

(1) „Странникъ“ Апрель 1862 стр. 246.

(2) Миссіонерскія записки о. Макарія 1831 г. Генварь, 26 число.

ны до послѣдней степени. Будучи самъ глубоко—ученымъ и образованнымъ человѣкомъ, о. Макарій любилъ учить и бесѣдовать просто и съ простыми людьми. Простая искренняя и сердечная бесѣда съ простымъ человѣкомъ была всегда пріятна для него,—такую бесѣду онъ называлъ обыкновенно „сладостнѣйшею для сердца“. Никогда и нигдѣ не любилъ о. Макарій выставять себя впередъ, не подавлялъ превосходствомъ своей нравственной силы и учености. Онъ былъ образецъ смиренномудрія и любви къ ближнимъ, которымъ онъ охотно раздавалъ свое и вещественное и духовное богатство. Служеніе другимъ было потребностью его души, онъ боялся остаться въ этомъ случаѣ „въ одномъ круженіи и суетности самолюбія, или въ рабскомъ трудѣ одной внѣшней необходимости и обязанности“.—„Ахъ! сказать ли вамъ?—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—я примѣчаю, что самъ безутѣшенъ бываю, когда другимъ не творю утѣшенія, и что тѣ—мои благодѣтели приснопамятные, которымъ промыслъ Божій повелѣваетъ мнѣ прислужиться какимъ нибудь образомъ“. Обыкновенно кроткій и смиренный въ другихъ случаяхъ, о. Макарій никогда не оставлялъ въ своихъ письмахъ безъ замѣчаній, и довольно рѣзкихъ, тѣхъ похвалъ, которыя иногда высказывали ему люди близкіе и знакомые. „Совѣтую, убѣждаю, прошу, умоляю васъ: той прохлады, которую письма ваши приносятъ душѣ моей, не приправляйте, не отравляйте сладостями не приличныхъ похвалъ.—Ненадлежало вамъ говорить мнѣ такъ много похвальныхъ словъ, которыя—какъ толстыя и длинныя колоды на пути общенія нашего... Впередъ не говорите и не пишите такимъ образомъ“... пишетъ о. Макарій въ своихъ письмахъ. Истинно-христіанскою любо-

вію проникнуты также и всѣ его отношенія къ его сослуживцамъ и подчиненнымъ; для нихъ, да и для всѣхъ знавшихъ его, онъ былъ не Архимандритъ, не начальникъ, а *батюшка о. Макарій*,—отець въ полномъ смыслѣ слова. Собираясь въ первый разъ на дѣло миссіи въ Сибири, о. Макарій избралъ себѣ въ сотрудники двухъ Тобольскихъ семинаристовъ, еще очень молодыхъ юношей (одному 22, а другому 17 л.), и совместно съ ними и съ общаго согласія онъ составилъ правила, которыми опредѣлялись ихъ будущія отношенія. Въ этихъ правилахъ, несмотря на разность лѣтъ, отношеній и образованія, онъ является только старшимъ братомъ ихъ, болѣе опытнымъ въ жизни, отцемъ, руководителемъ, но отнюдь не начальникомъ (1). Приглашая себѣ въ сотрудники по миссіи о. Макарія (Обдорскаго), и предлагая ему самое покойное помѣщеніе въ станѣ миссіи, о. Макарій пишетъ: „а еслибъ я ему не понравился чѣмъ-нибудь, то онъ могъ бы остаться на моемъ мѣстѣ и получить сотрудника по сердцу, а я въ другомъ пунктѣ началъ-бы заводить станъ миссіи. Скажите ему, что два слова Н. Завѣта составляютъ весь уставъ нашъ; одно—любите другъ друга дѣломъ и истиною; другое: другъ друга честью больша себе товарище“. Не забудьте, что это пишетъ самъ начальникъ миссіи, съ неимовѣрными трудами основавшій пока единственный станъ миссіи, и человекъ, имѣвшій во всѣхъ отношеніяхъ полное право на уваженіе отъ всякаго!—Такая искренность, простота и любовь о. Макарія въ отношеніяхъ къ другимъ за то и привязывали къ нему людей самымъ близкимъ и прочнымъ образомъ: люди, имѣвшіе возможность

(1) См. эти правила въ христіанск. чтен. 1872 Сент. стр. 5.

войти съ нимъ въ близкія отношенія и испытать на себѣ его вліяніе, — обыкновенно крѣпко и искренно привязывались къ нему, и, не смотря на разлуку съ нимъ, дорогой образъ о. Макарія всегда былъ присущъ ихъ душѣ. „Прошло сорокъ лѣтъ послѣ разлуки съ о. М., и я все люблю его съ такою же горячностью, какъ и въ первые годы; все также живо представляю его видъ, слышу его голосъ, его слова, словомъ, — я соединился съ нимъ въ единъ духъ, и опытомъ понимаю слова Спасителя: да будутъ едино“, — говоритъ одинъ изъ знавшихъ о. Макарія (1). Безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ, единственно силой своей вѣры, и любви, простоты, и искренности — онъ собралъ около себя преданныхъ сотрудниковъ, привлекъ расположеніе и любовь язычниковъ и прочно поставилъ дѣло миссіи. Находясь на покой въ Болховѣ онъ также приобрѣлъ безграничную любовь и преданность всѣхъ гражданъ. Особенно любили его люди простые и дѣти, которыхъ онъ и самъ очень любилъ, училъ и ласкалъ. „Это намъ отца роднаго послалъ Господь. А посмотрѣли бы вы, сколько дѣтей вокругъ него! Сами бѣгутъ къ нему со всего города,“ — рассказывалъ объ о. Макаріѣ одинъ Болховской житель. Однажды о. М. нужно было не надолго съѣздить въ Москву, а въ городѣ разнесся слухъ, что онъ уѣзжаетъ навсегда. Весь городъ пришелъ въ смятеніе. Тысячи народа шли за нимъ отъ монастыря чрезъ весь городъ и громко кричали: „Не покидай насъ батюшка! воротись къ намъ родимый!“ человекъ до 300 провожали его за 17 в. отъ города.

(1) Странникъ 1861. Май стр. 241.

Общій складъ мыслей и характера о. М. придавали ему нѣкоторую долю мистицизма и аскетизма. Малозанятый внѣшними предметами и попеченіями, онъ любилъ обращать свой умственный взоръ больше въ самаго себя, въ глубину своей собственной души; его занимала обыкновенно не столько внѣшняя сторона мысли, поступка, явленія, — онъ любилъ отыскивать въ нихъ высшее, духовное значеніе и смыслъ. . . Эта характеристическая черта о. Макарія выразилась въ склонности его съ особымъ вниманіемъ наблюдать и описывать свои и чужія духовныя состоянія. — и эти описанія, которыхъ множество въ его письмахъ, отличаются оригинальноію, восторженностью и часто поэтической образностью языка. Любила также благочестивая мысль о. Макарія отыскивать слѣды Промысла Божія и въ самыхъ простыхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни, которыя обыкновенные люди пропускаютъ безъ вниманія. Наконецъ эта же черта довольно ясно сказывается и въ его склонности къ своеобразному, духовному и таинственноу пониманію и объясненію св. писанія.

О. Макарій былъ также и великій подвижникъ. Строгость его къ самому себѣ, молитвенные подвиги, довольство самымъ необходимымъ для жизни, глубочайшее его смиреніе и самоотверженіе — являютъ въ немъ глубокаго подвижника. Молитва была потребностью его души и обычнымъ подвигомъ. Но подвижничество о. Макарія не ограничивалось только *вышнимъ дѣланіемъ* по примѣру древнихъ подвижниковъ, сочиненіямъ которыхъ онъ любилъ читать и изучать, — онъ подвизался и въ умномъ дѣланіи. Онъ любилъ упражняться въ богомыслии, размышлять о различныхъ состояніяхъ своей души,

внимательно слѣдить и наблюдать за каждымъ ея движеніемъ и помысломъ... Такая бдительность и строгое вниманіе къ своимъ духовнымъ состояніямъ образовали въ о. Макаріѣ великую опытность въ духовной жизни, глубокое пониманіе самыхъ сокровенныхъ явленій ея, и — можно сказать — *прозорливость человека Божія*. Отъ того-то онъ и былъ столь мудрымъ наставникомъ и опытнымъ руководителемъ въ христіанской жизни всѣхъ, кто обращался къ нему за совѣтомъ въ самыхъ разнообразныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ жизни... Можно бы рассказать здѣсь множество фактовъ его прозорливости и высокой духовной опытности. „При немъ я чувствовалъ себя совсѣмъ другимъ, какъ бы жителемъ духовнаго міра, — свидѣтельствуюсь именемъ Божиимъ,“ говоритъ о немъ одинъ изъ его учениковъ (¹). Во время всенощной о. М. подошелъ ко мнѣ, рассказываетъ одинъ очевидецъ, и говоритъ ну, какъ ты молишься? Станемъ вмѣстѣ молиться. Говори за мной: Отецъ Ты нашъ небесный! Я повторилъ, Отецъ Ты нашъ небесный! — Нѣтъ! нѣтъ! говоритъ, — ты поусерднѣй, отъ души скажи, — и возвысилъ такъ голосъ: Отецъ Ты нашъ небесный! — Я повторилъ, но уже со вниманіемъ и съ чувствомъ. Нѣтъ! Нѣтъ! говоритъ, — ты еще поусерднѣй и по крѣпче скажи: Отецъ Ты нашъ небесный! — Сердце забилося во груди моей. Я самъ возвысилъ голосъ, и изъ глубины души воззвалъ: Отецъ Ты нашъ небесный! Ну, молись такъ, молись!“ — и пошелъ къ другимъ (²). Извѣстенъ также поразительный случай всенародной исповѣди одной женщины подъ влияніемъ

(¹) Странникъ. 1861. Май. стр. 238.

(²) Стран. Генварь. 1860. стр. 19.

о. М. и совѣтъ его доказывающій глубокую его опытность въ духовномъ врачеваніи (1). И всѣ вообще близко знавшіе о. Макарія единогласно свидѣтельствуютъ о глубокомъ нравственномъ вліяніи, которое онъ производилъ на нихъ своей искренней и задушевной бесѣдой, глубокимъ и вѣрнымъ пониманіемъ духовныхъ вѣдъ и потребностей человѣка...

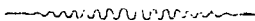
Но съ другой стороны—о. Макарій отнюдь не былъ суровымъ и крайнимъ аскетомъ. Напротивъ, онъ и желалъ и умѣлъ помогать людямъ и въ ихъ житейскихъ дѣлахъ, живо и дѣятельно сочувствовать имъ во всѣхъ ихъ чистыхъ житейскихъ радостяхъ и скорбяхъ: онъ имѣлъ живое и любящее сердце, и съ живымъ чувствомъ всегда относился къ людямъ его окружающимъ.—Онъ самъ любилъ музыку и поэзію, и даже сдѣлалъ нѣкоторыя опыты въ нихъ: онъ перекладывалъ на ноты церковныя пѣсы и духовныя канты, и самъ сочинялъ стихи. Пѣніе церковныхъ и духовныхъ произведеній составляло его любимое удовольствіе въ часы отдыха; любилъ онъ также пѣніе дѣтей, и съ любовью самъ обучалъ ихъ этому искусству. Владѣя многосторонними и глубокими познаніями въ наукѣ духовной, о. Макарій не только не чуждался, но живо интересовался и наукой мірской, свѣтской. На пути къ Алтаю, остановясь въ Казани и пользуясь тамъ нѣкоторымъ досугомъ, о. М. съ любознательностію и усердіемъ юноши, обозрѣваетъ различные университетскіе кабинеты, слушаетъ лекціи, интересуется анатоміей, астрономіей и т. п. (2). Онъ живо интере-

(1) См. тамъ же. Стр. 20—29.

(2) См. его очень любопытное письмо изъ Казани: „Собраніе его писемъ“. ч. 11 стр. 30 и сл.

суется также бытомъ новокрещенныхъ: самъ старается о приобрѣтеніи знаній, необходимыхъ для улучшения ихъ хозяйства и быта, приобрѣтаетъ и изучаетъ книги по сельскому хозяйству, медицинѣ, —выписываетъ различныя сѣмена и т. п. Онъ близко входитъ во всѣ хозяйственныя житейскія и семейныя дѣла своихъ сотрудниковъ и новообращенныхъ. Отъ него вѣетъ духомъ не суроваго аскетизма, а миромъ и сердечною благостью всѣхъ любящаго и всѣмъ искренно желающаго истиннаго добра человѣка; около него всякому искреннему, честному и доброму человѣку уютно, тепло, свѣтло и пріятно...

Побольше бы такихъ людей, какъ незабвенный о. Макарій!...

СКИТО
Биб.
Отдѣлені

№

2006282733